

Нескорая помощь: взгляд изнутри, или Работа на грани фола

К нам в редакцию позвонила наша читательница с предложением разобраться, что же в Иркутске происходит со Скорой помощью. Почему на вызов бригада приезжает через несколько часов, а не через положенные 19 минут.

В начале марта у нее заболел ребенок, и температура поднялась до 40 градусов. Ко всему прочему он плакал и жаловался на сильную боль в теле. Юлия, так зовут нашу героиню, сразу позвонила в Скорую и вызвала бригаду. Через 40 минут безрезультатного ожидания она снова набрала телефон дежурной части, где ей ответили, что машина к ним еще не выехала.

Следующие ее звонки просто ставились на удержание. Тогда она взяла автомобиль и сама повезла ребенка в больницу. Там она выяснила, что таких долгожданных Скорую помощь пациентов было много, и некоторые ждали врачей по 6-8 часов. В больнице Юлиному ребенку поставили диагноз грипп. На следующий день история с температурой повторилась снова, но на этот раз бригада Скорой приехала через час, и педиатр Татьяна Владимировна Егорова рассказала, почему сегодня случаются такие задержки.

С доктором Егоровой я решила встретиться лично, ведь у меня самый маленький ребенок, которому я периодически вызываю Скорую. Да и вообще, интересно стало, как работает эта служба сегодня, и какова ее дальнейшая судьба. Татьяна Владимировна пришла работать врачом-педиатром на Скорую помощь сразу после учебы, в 1985 году. Так что она не понаслышке знает обо всех внутренних проблемах этой службы. А начала я наш разговор с Татьяной Владимировной с Юлиной истории, с которой, собственно, все и началось.

Татьяна Егорова:

– Если раньше было 10 диспетчеров, то сегодня осталось 3. Диспетчер физически не успевает взять трубку и ответить на звонок. Если нас работало раньше 18 бригад, то сейчас 12, а в ночь 7 – и это на 200 тысяч населения Свердловского района. У нас масса графиков всяких разных существует: и сутки работают люди, и по 12 часов, и с 8 утра до ноля – но все равно ты не растянешь семь человек на 200 тысяч. Мало того. Если раньше у нашего диспетчера был только Свердловский район, то теперь ей дали еще и Ленинский – у нее вообще голова кругом. Мы же не роботы, мы живые люди со своими усталостями.

Мне стыдно перед родителями приезжать через час, через два и с порога кланяться, мол, извините ради Бога, я не танцевала, в магазин не заезжала, а с вызова на вызов скачу. Это никому не интересно. Каждый ребенок – это ребенок конкретной ситуации. Всем, по большому счету, все равно, что делается за стенами квартиры. Мой ребенок заболел, я вызвал и жду и дожидаться не могу – и они правы! В положении 1969-го года, которое никто не отменял, говорится, что на 10 тыс. населения положена одна бригада Скорой помощи, т.е. в Свердловском районе должны работать по крайней мере 20 бригад. С этим вопросом мы с коллегами обращались в наше министерство и спрашивали Татьяну Васильевну Бойко, замминистра, – почему так. Мы не получили никакого ответа, кроме того, что это общая тенденция по стране. Возникает тогда вопрос: а министр здравоохранения страны, он вообще как декабрист, далек от народа? Он не в курсе, что с народом делается? У меня работает подруга в Пскове, там такая же проблема, в Улан-Удэ – то же самое. Может, это всесоюзная политика геноцида, или как это назвать?

– То есть вы предполагаете, что Службу скорой медицинской помощи вообще хотят уничтожить??

– Об этом страшно думать, но факты – упрямая вещь. Около пяти лет назад у нас одновременно ушли 10 врачей. Я предполагаю, что из-за каких-то разногласий с новым тогда главным врачом Скорой **Андреем Михайловичем Ворожбой**. С его приходом появились новые графики работы, неудобные для нас, – строго на ставку, и хотя это было объяснено общероссийской тенденцией, но в том же самом КЗоТе определено, что график работы экстренных служб не регламентируется ставкой и может быть любым по согласованию с работодателем. Не обязательно надо было переходить на график через трое суток на четвертые, не имея

достаточного количества бригад. Допустим, если нас было 56 человек – мы делились на три (через двое суток на третьи), а потом на четыре стали делиться – бригад в смене стало меньше, а нагрузка возросла, денег, естественно, меньше стало. Люди стали искать вторые работы, а это не быть дома, это не быть живым. Ты с суток пришел, сутки отоспался и опять ушел, чтобы догнать те деньги, которые у тебя были. Мы же все работаем за деньги, как бы мы не говорили о высоких идеалах, но кушать хочется всегда.

Подстанция у нас оголилась совершенно. У нас были смены, когда врачей вообще не было. Вместо них на вызов ездили фельдшера. Если раньше было, что одна–две фельдшерские бригады в смену, то сейчас наоборот – одна–две врачебные, а остальные все фельдшерские. При всем моем уважении к этой профессии, уровень знаний все равно отличается. Естественно, о каком качестве тут говорить, особенно если касается детей – это моя больная тема. У нас на Свердловской станции 9 педиатрических ставок, сегодня работают пять человек, и все мы не в одни сутки выходим, а посменно. Я после инсульта работаю меньше суток – до нуля (с 8 утра до 24 часов), потом я уезжаю домой. Бывает, что ночь остается вообще без педиатра.

– Ну что, у вас резерва никакого нет на случай эпидемии, как сейчас?

– У нас нет замен, у нас нет резервной бригады. Раньше диспетчера всегда придерживали одну бригаду на какой-нибудь экстренный случай, сейчас у нас все в разъезде. Что-то случается – и взять негде. Вот, например, как-то не выпускалось шасси у самолета, все свободные бригады отправили в аэропорт, тем самым оголив Свердловский район. Главный врач тогда сказал, что любую техногенную катастрофу он закроет бригадами – а за счет чего? За счет населения!

Раньше в период эпидемии бригады разукрупняли. Машин не хватало – брали такси, брали машины второй колонны (поликлиники, Службы крови), машины райздоровской администрации брали. Я сама работала на райздоровской «Ниве». В период эпидемии студенты-старшекурсники к нам приходили работать, из стационаров шли на подработку врачи. У нас на подстанции было не протолкнуться от народа. Это делал районный отдел здравоохранения - т.е. бил тревогу. А сейчас район захлебывается от вызовов – а ничего не делается.

– Это только в Свердловском районе Иркутска такая проблема или по всему городу?

– Это тенденция по всему городу такая. Замминистра области Т.В. Бойко, к которой мы обращались с наиболее важными вопросами, педиатр – и по человечески нас поняла. Только где она возьмет людей, если их ничем не заинтересовать? Что, в приказном порядке отработать? Так у нас государственное распределение вроде отменили. Некоторые люди хотят прийти подработать, но у них нет сертификата врача Скорой помощи, и принять их не могут. Молодежь из-за жилья уезжает в районы – кто к родственникам, кто вообще на голое место, потому что им там и квартиру дают, и садик, если надо. Моя знакомая уехала после учебы в Зиму, и сейчас очень хорошо себя там чувствует, а ведь у нас-то не осталась! С Андреем Михайловичем мы много раз говорили на эту тему, но ничего не меняется. Молодежь приходит – и в ужасе убегает хоть куда: в страховые компании, косметические салоны, стоматологические клиники – куда угодно. Переучиваются за свои деньги и отваливают. Потому что эта работа физически тяжелая, психологически тяжелая, а когда еще ты за собой опоры не чувствуешь того же руководства...

Я в советское время работала – так тогда профсоюз и путевки нам выделял, и в очередь на квартиру ставил. А сегодня профсоюза практически нет. Из него почти все повыходили. Смысла нет: беззубая организация, за наши права ничуть не борющаяся. Как мы принимали коллективный договор – просто смешно. У нас нет времени на обед – оно нам не положено, оказывается, по договору. А как быть? Сутки не есть? Спасибо диспетчерам, они подпускают нас чай попить. Если на подстанцию нет возможности заехать, то в ларьках чай и пирожки покупаем. Столовой у нас на подстанции нет, мы все приносим из дома, греем в купленной нами же микроволновке. Какая может быть здесь модернизация, что нового появилось на Скорой? Ничего. Вот сейчас, говорят, придут машины. Говорят, что они оснащены по последнему слову техники. Может быть – а кто будет работать на последнем слове техники? Врачей-то практически нет.

– Так что, у вас специалистов никаких нет, чтоб с этим оборудованием работать?

– У нас совершенно упразднены специализированные бригады. Были травматологи, акушеры, неврологи. Сейчас акушеров нет, травматологов нет, а жаль. Это были хирурги, профессионалы. С мелкой ранкой можно было не везти в больницу, они делали всё дома, ездили с набором инструментов, они всё умели делать. Почему надо было их убирать? Ставки неврологов есть – людей нет. Кардиологи у нас есть, но они ездят на все вызова, реанимация – тоже. Так что если ты вызываешь бригаду больному, которому плохо с сердцем, – приедет тот, кто свободен. Я как-то съездила, попала на острый инфаркт, сама чуть с ума не сошла. С

санитаром была, фельдшер мне не положен – мол, сама уколы делать умеешь. Да я-то все умею, только по приказу №100-стандарт Скорой помощи, фельдшерами должна быть укомплектована каждая бригада.

– Т.е. фельдшер должен ездить именно с врачом?

– Конечно. Все капельницы, уколы делает именно фельдшер. Это помощник врача. Вот как было в моем случае: 50 лет, молодой мужик, клиника острого инфаркта – жгучие боли за грудиной, давления нет, холодный пот, но в сознании, тяжелый – умирающий человек, а я все делаю «одними руками»: ставлю капельницу, измеряю давление, уколы делаю. Благо, у санитаря есть молодые ноги, он сбегал за носилками, договорился с кем-то. А я при этом звоню по телефону, чтоб мне выслали бригаду с кардиографом и со специальными препаратами, которые даются не каждому и которыми я не умею пользоваться, в частности провести тот же тромболитис. Все, что могла, я ему сделала: обезболела, гепарин поставила, давление подняла, но это все я делала «в одни руки», когда на счету была каждая секунда. В конце концов, мужика, конечно, спасли, но чего мне это стоило, сколько нервов было угрохано... Почему я должна делать то, на что я не сертифицирована? У меня сертификат педиатра. У меня нет сертификата кардиолога. А я ведь сяду, как миленькая, если что-нибудь сделаю не то. И никто меня не спросит, кто я. И точно так же фельдшера несчастного, если он накосячит что-нибудь с ребенком, посадят и не спросят.

Может потому и уходят люди, что работа на грани фола.

– Я, кстати, когда ребенку своему Скорую вызывала, меня периодически с ларинготрахеитом (сухой болезненный кашель) пытались отвезти в инфекционную больницу, а приступ этот, как выяснилось позже, снимается супрастином и теплым питьем. Может, это потому, что на вызовы фельдшера приезжали?

– Может. И здесь я фельдшеров понять могу. Они детей не знают, поэтому им проще увезти. А вообще, нам теперь запрещено давать рекомендации, т.е. расписывать лечение. Его теперь либо в стационаре расписывают, либо в поликлинике. А вы представляете, если я приезжаю на вызов в выходные или праздники, когда у матери нет возможности вызвать участкового врача? Конечно, я распишу ей лечение и фамилию свою подпишу, мне нечего бояться. Иначе зачем Скорая нужна, отвезти только? Я врач, и меня учили лечить детей. И зачем я из нормальной, хорошей семьи, где за ребенком будет надлежащий уход, повезу его в больницу с банальным ОРВИ? Тяжелые состояния, асоциальные семьи – это другое дело, а просто перестраховываться – это перегружать стационар.

– Ну это же получается не Скорая помощь, а бесплатный извоз какой-то...

– А как, вы думаете, нас называют в стационарах?

– Кстати, я еще столкнулась с тем, что Скорая не снижает теперь ребенку температуру, как это было года полтора назад. Мне сказали, что запретил Минздрав это делать. Но почему? Я иной раз Скорую только за этим и вызывала, потому что по несколько часов температуру высокую сбить не могла...

– Мне эти вещи непонятны совершенно. То ли это фармацевтические уловки коммерческого плана, чтобы продать, например, более дорогие препараты или продвинуть их на рынке – ну, другого на ум не приходит, то ли еще что-то... Мы всю жизнь использовали анальгин как жаропонижающий препарат, он входит в состав всех болеутоляющих средств: пенталгин, спазган, баралгин и т.д. Почему ими можно пользоваться, а анальгином в чистом виде – нельзя? Побочные эффекты есть у всех лекарств, но не надо пить их ведрами, не надо злоупотреблять. Ведь для каждого возраста существует своя дозировка. Я не помню ни одного случая почти за 30 лет работы, чтобы после этого укола у детей были проблемы. Самое смешное – этот анальгин свободно продается в аптеках. У моей внучки была температура под сорок, я пошла и купила в аптеке ампульный анальгин, который запрещен, по стандартам, к применению на Скорой, – и совершенно спокойно снизила температуру ребенку. И это уже не первый препарат, который выходит из нашего обращения. Те же самые ларинготрахеиты – вещь неприятная, но не страшная, когда знаешь, что делать. У нас раньше были порошки Звягинцева. Туда входил атропин, димедрол, папаверин и сахар. Почему-то из-за наркоманов у нас изъяли эти порошки из обращения, аптеки их теперь не выпускают. Мы что – торгуем этими порошками? Почему так надо оскорбить всех, кто с этим работает? Нам выдавали этот порошок в заправочной службе в коробочке, в которой лежала пара порошков. Я приезжаю к ребенку с ларинготрахеитом, порошочек выпаиваю и оставляю еще один маме на утро – и никуда не везу ребенка, потому что все проходит на глазах. Самое главное, что этот состав снимал спазм. Так же, как и противоожоговую жидкость отменили, которая выпускалась только для Скорой помощи. Потрясающая вещь была. Туда входил спирт, ментол, анестезин и фурацилин. Да, поначалу жжет, но наложишь ее – и минут через пять перестает ребенок кричать, потому что

не больно. Уколы делать не надо, наркотики применять не надо – чем плох? Кто-то умный сказал, что мы переводим ожог термический в ожог химический. У меня по химии было пять, я знаю, что спирт кожу не сжигает, он ее дубит. Мы когда уколы ставим, ваткой место протираем, у нас что потом – ожоги на заднице? Нет. И водку пьем – слизистые не сжигаем. И все это мне непонятно. Эти вещи были хорошие, моментальные и, главное, кратковременные, которые кумулятивного, общего действия-то не оказывают. Именно скорпомощные варианты. Если все это ради экономии денег – то это очень грустно. Если бригады не прибавляют, потому что экономят деньги, – страшно грустно. Ведь, естественно, дешевле держать фельдшера, чем врача.

– А им меньше платят?

– Конечно, уровень другой – ставки ниже.

– А вам сколько платят, если не секрет?

– У меня, как у врача высшей категории, оклад составляет пять с небольшим тысяч рублей. Далее идут надбавки: за стаж, федеральная надбавка, выработка и т.д. Вот за январь, а это самый дорогой месяц, потому что пол-января праздников, за 130 часов я получила 26 тысяч рублей. Это потому, что высшая категория у меня и отработала я почти 30 лет, соответственно, у всех остальных меньше. У фельдшера оклад 3 тысячи рублей, а фельдшеры, как правило, люди молодые, им надо растить детей, как-то жить, что-то покупать. А молодые врачи, которые приходят с нулем врачебного стажа...

– Татьяна Владимировна, как вы считаете, все-таки у вас уже большой опыт работы в Скорой, что нужно сделать, чтобы ситуация изменилась в лучшую сторону?

– Разговор, наверное, не только о Скорой, а о медицине вообще. До тех пор, пока она будет по остаточному принципу финансироваться, ничего не изменится. А отношение к нищим всегда остается отношением к нищим – пренебрежительное. Мы же приезжаем не только к людям со средним достатком, но и к богатым, и там отношение к нам, как к провинившейся прислуге. К сожалению, у нас корпоративной солидарности нет, как в стационарах, где заведующий отделением стоит за своих работников. Если нас начинают давить, то даже если ты не виноват – ты все равно будешь виноват. Вот недавно случай был. К мужику, брошенному всеми родными, приехала наша бригада и предложила госпитализацию. Он отказался, расписался в графе специальной «отказ от госпитализации» – и через 2 дня умер. Может, пил, может еще что-то... На нас же свесили всех собак: с доктора сняли федералку, сняли напряженку, объявили выговор – просто потому, что она его не убедила.

До тех пор, пока нас не станут уважать наши руководители, с нами никто не будет считаться.

Люди нас не уважают совершенно: разговаривают матом, дратья лезут, если чем-то недовольны. Молодого врача, девушку, обругали матом, плюнули в неё – она уволилась в этот же день. Как-то на вызове я попросила воспользоваться туалетом, на что мне ответили – у нас не вокзал! А то, что я у них там руки мыла и полотенцем вытирала, – это ничего. Я сказала: спасибо, что не ударили, – и за это получила жалобу. Так что в туалет мы просимся на заправках, если нет возможности заехать на базу.

Пришла в упадок система, и не верится, что будет лучше. Лучше не будет хотя бы потому, что никто для этого ничего не хочет делать. Я не видела ни разу объявления по бегущей строке в прайм-тайм, что требуются врачи Скорой помощи, что уж там о другом говорить.

– Ну а машины вам периодически новые со сверхновым оборудованием выделяют же?

– Машина без бригады – это железо на колесах. Прошлый раз, когда была программа «Здравоохранение России», нам пришло около 50 новых упакованных «Газелек». Они тут же начали сыпаться – оборудование плохого качества было. Нам на подстанцию пришло 18 машин. Из того прихода у нас работают только два кардиографа, а все остальное сломалось и восстановлению не подлежит.

Бригад меньше стало, и часть машин стоят. У нас на станцию прибегают порой люди и кричат, что машины стоят, а Скорая не едет. Так машины без бригад не поедут.

У нас нет гаража. Наши машины всю жизнь стоят на улице, под дождем, на морозе и, естественно, часто ломаются. Их разворовывали не раз, даже угнать пытались – они не охраняются.

– Ну совсем какая-то безнадега...

– Нас спасают врожденный оптимизм, чувство юмора и товарищество. Мы помогаем друг другу советами, консультируемся, перезваниваемся, обсуждаем каждую нестандартную ситуацию. Я не знаю случая, чтобы кто-нибудь из моих коллег отказал в совете или помощи, и я – точно так же. Мы ведь одно дело делаем. Да, себе можно сказать: ну и ладно, сутки отработаю – зато три дня отдохну. Но мы же для людей работаем, без пафоса, без всяких красных флагов, и если мы будем приезжать через 6 часов, и, не дай Бог, мы приедем к чему-нибудь, что уже не поправить, – как с этим жить? Я увольняться не собираюсь, буду работать, пока сил хватит, а дальше как будет – я не знаю. Самое главное – не нужно молчать: если Скорая приезжает к вам не вовремя – нужно жаловаться, нужно говорить об этой проблеме, а не забывать про нее сразу после того, когда Скорая все-таки до вас доберется. Есть горячая линия в городском департаменте здравоохранения, в министерстве, есть сайт <http://feldsher.ru/> ... Не молчите! Может, тогда что-то изменится...

Если честно, после нашего общения мне стало страшно за себя и горько за людей, на которых мы привыкли рассчитывать в трудную минуту. Обидно и в некотором роде стыдно мне стало за то, что я не знала об этом раньше. Для себя я теперь решила точно, что если вдруг когда-нибудь мне придется Скорую вызывать, я обязательно предложу им горячего чая и уборную, которую мне совершенно не жалко, тем более для людей, откликнувшихся на мой призыв о помощи.

Источник: [Иркутские кулуары](#)

Автор: Оксана Богданова © Babr24.com ЗДОРОВЬЕ, ИРКУТСК 👁 6477 02.04.2013, 23:12 📄 515
URL: <https://babr24.com/?ADE=113689> Bytes: 19617 / 19430 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [Джем](#)
- [ВКонтакте](#)
- [Одноклассники](#)

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:
irkbabr24@gmail.com

Автор текста: **Оксана Богданова.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](#)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: [@irk24_link_bot](#)
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: [@kras24_link_bot](#)
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)